

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'1+929 [Соссюр+Бахтин]
 ББК 81з(4ШВА)Соссюр Ф.+81з(2)Бахтин М.М.
 DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17

В. М. Алпатов
 Москва, Россия

V. M. Alpatov
 Moscow, Russia

СОССЮР И БАХТИН

Аннотация. Ф. де Соссюр установил жёсткие рамки приоритетов в лингвистике, отделив язык от речи, которую считал лишённой системы. М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров», приняв в отличие от В. Н. Волошинова разграничение языка и речи (высказывания, в его терминологии), считал сосредоточение на проблемах языка недостаточным, а изучение речи необходимым. В области речи он выделил наиболее стабильный компонент – речевые жанры, которые строго заданы говорящему вместе с языком.

Сейчас наблюдаются две противоположные, но часто сосуществующие тенденции. С одной стороны, мы видим стремление к научной строгости, особенно в экспериментальных и прикладных исследованиях, а при чисто лингвистическом изучении функционирования языка также стараются опираться на некоторые устойчивые характеристики, к числу которых, несомненно, относятся речевые жанры. С другой стороны, у многих лингвистов по сравнению с предшествующим периодом уровень научной строгости снизился. В целом в современной России функциональная лингвистика очень далека от принципов, из которых исходил Ф. де Соссюр. А среди предшественников функционализма важное место, несомненно, занимал М. М. Бахтин.

Современная функциональная лингвистика сняла ограничения, введённые Ф. де Соссюром, и расширила объект исследований, в том числе изучая речевые жанры.

Ключевые слова: Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, язык, система, функциональная лингвистика, речевые жанры.

SAUSSURE AND BAKHTIN

Abstract. F. de Saussure determined rigid limits of priorities in linguistics and separated language from speech that has no system in his opinion. M. M. Bakhtin in his work «The Problem of Speech Genres» accepted the differentiation of language and speech (utterance in his system of terms) unlike V. N. Voloshinov but he considered the concentration on the problems of language insufficient and the study of speech necessary. In the field of speech he singled out the most stable component – speech genres that are set to speakers together with language.

Now there are two opposite, but often co-existing trends. On the one hand, we see the desire for scientific rigor, especially in experimental and applied research. By a purely linguistic study of the functioning of language, linguists also try to rely on some stable characteristics, among which, of course, are speech genres. On the other hand, many linguists, compared with the previous period, have a level of scientific rigor which has decreased. In general, in modern Russia the functional linguistics is far from the principles which F. de Saussure relied on. And among the precursors of functionalism, Mikhail Bakhtin undoubtedly took an important place.

The modern functional linguistics took Saussure's limits away and expanded the object of studies including speech genres.

Key words: Ferdinand de Saussure, Mikhail Bakhtin, language, system, functional linguistics, speech genres.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Место работы: Институт языкознания РАН, директор.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Letters, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Director.

Как известно, современные исследования по речевым жанрам во многом опираются на опередившие своё время работы М. М. Бахтина, особенно на его незаконченную рукопись «Проблема речевых жанров» [1] (1953–

1954, опубликована в 1978; далее – ПРЖ). Следует рассмотреть соотношение её идей с идеями лингвистики, влиятельными в его время, прежде всего, с идеями «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изданного

уже после смерти его автора в 1916 г., ровно сто лет назад. В годы, когда М. М. Бахтин писал ПРЖ, концепция Ф. де Соссюра в полной мере сохраняла свою влияние, в том числе и в нашей стране, хотя её иногда критиковали и с идеологических, и с научных позиций; наиболее серьёзной критикой второго типа была появившаяся одновременно с написанием ПРЖ брошюра А. И. Смирницкого [2]. К тому времени уже существовало русское издание «Курса» Ф. де Соссюра, вышедшее в 1933 г. (в ПРЖ имеются ссылки на него). Далее цитаты из этого труда даются по второму русскому изданию [3] в составе книги «Труды по языкознанию» (М.: Прогресс, 1977. 695 с., с. 35–273) с указанием лишь номера страницы.

Ф. де Соссюр в своем «Курсе», в частности, поставил вопрос о чётком разграничении лингвистических и нелингвистических задач, при этом он одновременно расширил и сузил границы лингвистики. Расширение лингвистической проблематики у Соссюра шло за счет «реабилитации» синхронной лингвистики, не занимающейся языковой историей. Но Соссюр одновременно и сужал области первоочередных исследований сразу в нескольких направлениях.

Это видно уже в связи с разграничением языка и речи, не вызвавшим в отличие от разграничения синхронии и диахронии особого неприятия у лингвистов, если только они не отвергали научную парадигму в целом, как это было у В. Н. Волошинова. Известны слова Ф. де Соссюра: «*Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности*» (47). А «если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» (там же). Если язык «представляет собой целостность сам по себе» (48), то речь (= речевой деятельности минус язык) принципиально разнородна и не составляет единства (там же). И вывод: «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» (53). Речь относится к основным понятиям концепции Соссюра,

но определяется фактически лишь остаточным; дается лишь очень общая ее характеристика: «Речь – сумма всего того, что говорят люди»; в ней «нет ничего, кроме суммы частных случаев» (57). Нетрудно видеть, что жанры речи оказываются у Ф. де Соссюра в речевой сфере.

Учёный разделял «лингвистику языка» и «лингвистику речи». Та часть изучения речевой деятельности, которая имеет своим предметом язык, признается основной; а лингвистика речи названа второстепенной (57). Говорится не просто о необходимости различать эти два явления, но о том, что «мы займемся исключительно» лингвистикой языка (58). Правда, в дошедших до нас планах двух курсов для студентов в конце имеется тема «Лингвистика речи». Однако в легших в основу издания «Курса» студенческих конспектах ничего по этой теме нет; очевидно, что Соссюр ни разу такую лекцию не прочел.

После отделения лингвистики речи Соссюр отделял разнообразный комплекс дисциплин, который он назвал внешней лингвистикой; вопрос о соотношении лингвистики речи и внешней лингвистики им не обсуждается. Он говорит: «Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики», хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя «именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности» (59). К ней отнесены «все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы и цивилизации», «отношения, существующие между языком и политической историей», вопросы литературного языка, вопросы географического распространения языков (59–60). В современной номенклатуре лингвистических специальностей сюда попадают социолингвистика, стилистика, лингвокультурология, изучение картин мира и др. Сюда даже без всяких оговорок отнесены вопросы «дробления на диалекты», хотя диалекты могут изучаться и в структурном плане. Также во внешнюю лингвистику попадает и изучение заимствований (60–61), хотя в ряде языков подсистемы заимствований могут обладать и структурными особенностями; один из примеров – английский язык с особой романской подсистемой. Внешнелингвистические явления без всяких оговорок названы внеязыковыми, и хотя их изучение признано «весьма плодотворным», но в отличие от

лингвистики языка внешняя лингвистика «может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тиска-ми системы» (60–61).

«Сама по себе чужда внутренней системе языка» и письменность: это лишь «техника, с помощью которой фиксируется язык» (62); значение письма в лингвистике именуется «незаслуженным» (64). Также второстепенен в проблеме речевой деятельности и «вопрос об органах речи» (48); функционирование этих органов само по себе не является семиологичным, поэтому должно рассматриваться «лишь во вторую очередь» (55). Если органы речи всё же занимают место в «Курсе», то точка зрения о необходимости знания лингвистом реалий им решительно отвергается (60).

За пределы лингвистики языка выводится также всё, что связано с сознательными процессами: «воля и разум» приписываются только речи (52). «Язык – не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности» (там же); то есть речь не идёт ни о каком выборе со стороны говорящего, который лишь пользуется «готовым продуктом». Здесь можно предполагать скрытую полемику с В. фон Гумбольдтом, считавшим язык деятельностью; вопрос о пассивности и преднамеренности отличал взгляды Соссюра и от взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (точка зрения Соссюра исключала сознательное вмешательство в язык и языковую политику, что вызвало жёсткую критику ученика Бодуэна Л. П. Якубинского [4]). Любой закон в языке, по Соссюру, лишь «случайный и невольный результат эволюции» (119).

Говоря о проблемах, которые теперь принято называть типологическими, Соссюр указывал: «Язык даёт сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» (264). Он отрицал и «мнение, что язык отражает психологический склад народа», поскольку «языковые средства не обязательно определяются психическими причинами» (там же). По сути, Соссюр отрицал возможность изучения того, что сейчас называют картинами мира. В итоге, отмечая, что типологические исследования «не лишены интереса», он пришёл к выводу о том, что отсюда «нельзя делать каких-либо заключений о том, что лежит за пределами языка как такового» (265).

Издание «Курса» завершается знаменитой фразой: «*Единственным и истинным*

объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» (269). Происхождение этой фразы, не зафиксированной в дошедших до нас конспектах, загадочно; существует гипотеза о том, что она придумана издателями курса Ш. Балли и А. Сеше и не соответствует идеям Соссюра [5 : 19]. Однако вряд ли собственные работы Балли и особенно Сеше больше соответствуют данной формулировке, чем «Курс», а фраза могла быть записью устного высказывания Соссюра.

Впрочем, именно Ш. Балли принадлежит формулировка, может быть, наиболее чётко выражающая суть подхода Соссюра и его последователей. В книге 1913 г. он писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [6 : 39]. Таков был идеал структурализма, свойственный многим его школам и направлениям, иногда очень последовательно (Л. Ельмслев), иногда далеко не строго (Пражский кружок).

Сильно огрубляя задачи науки о языке, их можно свести к поискам ответа на три вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?». Во всех лингвистических традициях, включая европейскую, из которой затем выросла наука о языке, первичным был вопрос об устройстве языка, наиболее тесно связанный с проблемами обучения языку и языковой нормы. Однако в XIX в. лингвистическая наука сосредоточилась на изучении вопроса о языковых изменениях. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра провозгласил задачу вернуться к изучению устройства языка. А вопрос о функционировании языка к середине XX в. был изучен меньше всего. На этот счёт были замечательные догадки у В. фон Гумбольдта, К. Фосслера, Э. Сепира и др., но теория функционирования языка была лишь намечена, и вовсе не было сколько-нибудь разработанного научного метода, который в той или иной мере существовал для ответа на два других вопроса.

М. М. Бахтин был одним из немногих учёных, последовательно обращавшихся к изучению функционирования языка, его использования говорящим в диалоге с собеседником/собеседниками. Ф. де Соссюр отстра-

нялся от этого изучения, считая (что, разумеется, было сильным упрощением), будто там нет ничего, кроме «суммы частных случаев», без обращения к которым можно обойтись. Нельзя считать, что такое ограничение не было плодотворным: сосредоточение на проблемах устройства языка (в теоретическом плане мало изучавшихся с XVII в. по начало XX в.) вывело языкознание из кризиса и значительно продвинуло его структурную составляющую. Но М. М. Бахтин не был согласен с таким ограничением, как и его так называемый круг, что отразилось в книге В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка»¹.

Однако между «Марксизмом и философией языка» и ПРЖ были различия в отношении к идеям Ф. де Соссюра. В книге 1929 г. объективность существования языка в соссюровском смысле (которую четверть века спустя будет доказывать А. И. Смирницкий) вообще отрицается: «Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка – продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях самого непосредственного говорения» [7 : 281–282]. Под познавательной и практической установкой имеются в виду задачи обучения языку и толкования текстов на чужом (в том числе древнем) языке. Но «основой для понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении – эта система быть не может» [7 : 298].

В то же время в ПРЖ постоянно говорит-

¹ Я не хочу возвращаться к проблеме авторства книги, о которой много писал. Но я считаю, что, с одной стороны, так и нет убедительных оснований для отрицания авторства В. Н. Волошинова; с другой стороны, вполне вероятно наличие в книге идей, предложенных М. М. Бахтиным. Но важно, что, как писал сам Михаил Михайлович в письме В. В. Кожиннову от 10 января 1961 г. [8 : 128], у него и В. Н. Волошинова имелась «общая концепция языка и речевого произведения». И в то же время не следует полностью отождествлять идеи книги 1929 г. и ПРЖ, что свойственно, например, комментариям в книгах [1 ; 9]. Между ними есть расхождения, которые могут быть объяснены либо различиями взглядов М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, либо (что вероятнее) эволюцией взглядов М. М. Бахтина. Один из явных пунктов несовпадения – разное отношение к концепции Ф. де Соссюра.

ся о системе языка как о реально существующем явлении. В самом начале работы, говоря о высказываниях, в форме которых используется язык (а термину *parole* у Ф. де Соссюра, традиционно переводимому как *речь*, и у В. Н. Волошинова, и у М. М. Бахтина соответствует термин *высказывание*; в ПРЖ дважды на одной странице (275) они приравняются), М. М. Бахтин пишет: «Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим), и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением» (249)². Языку в смысле Ф. де Соссюра здесь соответствуют «словарные, фразеологические и грамматические средства». И это не фикция, не «результат рефлексии», как получалось в «Марксизме и философии языка», а нечто реальное: только реальное может использовать носитель. Ещё чётче та же мысль выражена далее: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» (279). Слово и предложение названы «значащими единицами языка» (277). Язык везде в ПРЖ понимается в традиционном смысле, из которого исходил и Ф. де Соссюр, лишь уточняя его. То есть «язык как система» существует, и он необходим для построения высказываний. Отмечу, что все случаи прямой полемики со швейцарским учёным в ПРЖ не касаются ни разграничения языка и речи как такового, ни проблем, связанных с языком. Точка зрения В. Н. Волошинова была всё же крайней, а М. М. Бахтин в 1953–1954 гг. нашёл место для языка в своей системе понятий.

Язык в ПРЖ – общая для всего «народа» система средств (среди них, помимо лексических и грамматических, упомянуты и интонационные). Из этих средств в процессе речевого общения строятся высказывания. Такая точка зрения не противоречит Ф. де Соссюру. Однако автор ПРЖ решительно не согласен ни с представлением о речи (высказывании) как о «сумме частных случаев», ни тем более с ограничением задач науки рассмотрением «языка в себе и для себя».

Уже в первой из вышеприведённых цитат

² Цитаты из ПРЖ даются с указанием только номера страницы по изданию: *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 337 с. [9].

говорится о «тематическом содержании», «композиционном построении» и «языковом стиле». Всё это не отрицается, но игнорируется у Ф. де Соссюра. И говорится об «отборе словарных, фразеологических и грамматических средств языка», а отбор – это «деятельность», «воля и разум», выводимые Ф. де Соссюром за пределы внутренней лингвистики, которой он призывал заниматься. В одном месте М. М. Бахтин прямо пишет, что выбор (в данном случае речевого жанра) отражает «речевую волю говорящего» (271).

И обращение к проблемам речи, по Ф. де Соссюру, не означает в ПРЖ отказа от поисков системности. Эту системность М. М. Бахтин видел, исходя из ключевого для его концепции понятия речевого жанра. «*Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» (249). При всём многообразии и разнородности речевых жанров (из-за которых они до М. М. Бахтина не рассматривались в единстве) они имеют «общелингвистическую природу» (251). «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» (256)¹.

Разные жанры в разной степени стандартизованы, но «даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык.... Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические).... Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение, обмен мыслями, было бы почти невозможно» (272).

Эта формулировка очень важна. Сохраняя соссюровское противопоставление языка и речи, М. М. Бахтин отказывался от одного из главных, по Ф. де Соссюру, их раз-

личий: системности языка и несистемности речи. Здесь идеи ПРЖ можно сопоставить с идеями А. Гардинера, также искавшего системность не только в языке, но и в речи; подробнее см. [11 ; 12 : 255–259]. Правда, в ПРЖ употреблено слово *почти*, поскольку «речевые жанры, по сравнению с формами языка, более изменчивы, гибки, пластичны» (274), но «для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему. Поэтому единичное высказывание при всей его индивидуальности и творческом характере никак нельзя считать *совершенно свободной комбинацией* форм языка, как это полагает, например, де Соссюр (а за ним и многие другие лингвисты), противопоставляющий высказывание (*la parole*) как чисто индивидуальный акт, системе языка как явлению чисто социальному и принудительному» (274–275). «Таким образом, Соссюр игнорирует тот факт, что кроме форм языка существуют еще и *формы комбинаций этих форм*, то есть игнорирует речевые жанры» (275).

То есть главный пункт расхождений с Ф. де Соссюром – то, что тот сужает проблематику лингвистики, сводя её задачи к изучению «форм языка». В то же время М. М. Бахтин, рассматривая проблемы, отнесенные Ф. де Соссюром к области речи, стремится выделить там из множества явлений нечто устойчивое и поддающееся достаточно строгому анализу – речевые жанры, также имеющие «нормативное значение». Выделяются некоторые характеристики жанров, прежде всего, их разграничение на первичные и вторичные. Однако критериев для разграничения жанров М. М. Бахтин не дал, нет их и в современной науке.

Другой (по порядку в тексте первый) случай прямого спора М. М. Бахтина с Ф. де Соссюром связан с параметрами речевого общения. Здесь следует отметить, что в терминологии ПРЖ имеется непоследовательность: *высказывание* приравнивается к *parole*, но чаще понимается в другом смысле: не как *parole*, а как его основная единица. Говорится, например, что *высказывание* может совпадать по границам с предложением. А в качестве единицы более высокой степени абстракции, соответствующей *parole*, выступает в этом случае *речевое общение*. У Ф. де Соссюра и других учёных «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы *одного* говорящего, без *необходимого* отношения к другим участникам речевого общения. Если роль другого и учитывалась, то как роль слушателя, который только пассивно понимает говоряще-

¹ Ср. идеи А. Сеше о том, что все изменения происходят в «организованной речи», откуда затем лишь часть из них входит в язык [10].

го.... В курсах общей лингвистики (даже и в таких серьезных, как де Соссюра), часто даются наглядно-схематические изображения двух партнеров речевого общения – говорящего и слушающего (воспринимающего речь), дается схема активных процессов речи у говорящего и соответствующих пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего» (258–259). Такие схемы оцениваются как «научная фикция», поскольку «слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» (259). Помимо Ф. де Соссюра, за такое понимание речевого общения М. М. Бахтин критикует В. фон Гумбольдта и К. Фосслера (последний за это же критиковался и в «Марксизме и философии языка»). Отмечу, что активная позиция слушающего не учитывалась и в ряде других схем речевых процессов: у К. Бюлера, у Ш. Балли; исключение составлял А. Гардинер, у которого речь понимается как четырёхстороннее явление: говорящий – слушающий – слова – обозначаемые предметы в широком смысле [13 : 62]. Как указывает современный исследователь идеи М. М. Бахтина, «Гардинера можно рассматривать как связующее звено между бахтинской концепцией высказывания и теорией речевых актов Остина – Сёрла» [14 : 181].

Ещё один раз М. М. Бахтин критически отзывался о «школе де Соссюра», говоря о том, что там, как и у её последователей – структуралистов, включая «американских бихевиористов» (то есть дескриптивную лингвистику), изучение «реплик бытового диалога» «ограничивалось спецификой устной бытовой речи, иногда прямо ориентируясь на нарочито примитивные высказывания (американские бихевиористы)» (251). То есть и здесь критикуется ограничение объекта исследований, отказ рассматривать его во всей полноте.

И ещё один сюжет. Как известно, ПРЖ писалась в короткий период «сталинского учения о языке» (начался после появления в 1950 г. работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», закончился, постепенно сходя на нет, ещё до XX съезда). Поэтому в данной работе не раз упоминаются работы И. В. Сталина по языкознанию; правда, эти упоминания купируются в существующих изданиях ПРЖ и не всегда восстанавливаются из контекста. Но в уже приводившейся цитате о том, что говорящему обязательно даны, помимо языка, речевые жанры, обращает на себя внимание форму-

лировка «формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй)». А это прямая отсылка к тому, что писал И. В. Сталин, выделявший два главных компонента языка – «основной словарный фонд» и «грамматический строй» [15 : 6]; термин «общенародный язык» также постоянно употребляется у И. В. Сталина. То есть в ПРЖ фактически признано, что в данном вопросе позиция вождя сходна с критикуемой М. М. Бахтиным позицией Ф. де Соссюра и его последователей. В подготовительных материалах к ПРЖ об этом сказано ещё яснее (здесь публикаторы всё же сохранили имя автора «Марксизма и вопросов языкознания»): «Сталинская концепция языка – это концепция языка как системы (притом нормативной), не совпадающей с речевым общением, условием которого эта система является, но неразрывно с (ним) связанной» [1 : 272]. То есть и вождь, как и Ф. де Соссюр, учитывал лишь систему языка, игнорируя речевое общение, в том числе самое устойчивое в нём – речевые жанры. И действительно, такой взгляд нельзя считать особенностью взглядов швейцарского учёного; он лишь наиболее чётко выразил господствующее в тот исторический период мнение, которое отразилось даже у И. В. Сталина.

Безусловно, взгляды Ф. де Соссюра на язык и речь в более или менее чётком виде продолжали преобладать и в годы, когда М. М. Бахтин в Саранске работал над ПРЖ. Именно изучение языка в соссюровском смысле тогда и несколько позже шло вперёд и задавало тон в языкознании, включая и советское. Один из ярких примеров – популярная у нас в 60-70-е гг. модель «Смысл ⇔ Текст», разрабатывавшаяся И. А. Мельчуком. Для него «описать конкретный язык (или его фрагмент) значит построить для него (для его фрагмента) модель типа «Смысл ⇔ Текст» [16 : 5]. «Модель «Смысл ⇔ Текст» должна быть задана *совершенно формально* – посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине» [16 : 20]. При этом постоянно задаются те или иные рамки. «Поскольку лингвист как таковой не занимается и – по крайней мере в настоящее время – не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т.п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при

говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного «черного ящика» [16 : 13]. «Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения» [16 : 27]. «Язык моделируется только в плане преобразования «Смысл ↔ Текст» без учета других функций языка и его исторических, социальных и т.п. связей» (там же). Разумеется, ни о чём, похожем на речевые жанры, речи не идёт. Всё это вполне сходно с Ф. де Соссюром.

Трудно сказать, как повлияла бы на развитие лингвистики в нашей стране ПРЖ, если бы была опубликована раньше. Однако к моменту первой публикации ПРЖ в 1978 г. ситуация в лингвистике стала меняться. Уже в 1970-е годы активное развитие получили новые дисциплины, в которых «на первый план выдвигаются задачи исследования коммуникации» [17 : 19], в том числе лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ.

Новый этап в развитии науки о языке был чётко охарактеризован в работе А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», впервые прозвучавшей в виде доклада в 1982 г. и опубликованной годом позже. Он считал, что необходимо «расширять границы науки о языке и сближать ее с другими науками о человеке.... Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики.... То, что считается «не лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем» [18 : 20]. Нет ничего, что сознательно бы откладывалось «на потом», никакие границы заранее не устанавливаются. А для Ф. де Соссюра главным было установление границ между лингвистикой и «не лингвистикой», и он отвергал «распахивание дверей перед другими науками».

Сейчас у нас в рамках нескольких достаточно разных направлений стараются изучать функционирование языка. Как обобщающий термин для обозначения таких направлений иногда употребляется термин «функционализм». Активно развиваются типология и семантика. Особо существенной стала роль изучения так называемых языковых картин мира: ставится задача изучения национальных картин мира, свойственных носителям тех или иных языков, установления связей языка с культурой и нравственностью. То есть снова идет поиск в языке «данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком», против чего

предостерегал Ф. де Соссюр. Наконец, в большей степени, чем раньше, наука обратилась ко всему тому, что происходит «на самом деле», к реальным процессам порождения и восприятия речи, развиваются психолингвистика и нейролингвистика, от которых отвлекался ещё И. А. Мельчук. Теперь же в отличие от 60–70-х гг. это считается существенной частью лингвистики. Безусловно, в число активно развивающихся областей функционализма входит и теория речевых жанров, опирающаяся на идеи М. М. Бахтина.

Но при этом наблюдаются две противоположные, но часто сосуществующие тенденции. С одной стороны, мы видим стремление к научной строгости, особенно в экспериментальных и прикладных исследованиях, а при чисто лингвистическом изучении функционирования языка также стараются опираться на некоторые устойчивые характеристики, к числу которых, несомненно, относятся речевые жанры, что показал ещё М. М. Бахтин. С другой стороны, у многих лингвистов по сравнению с предшествующим периодом уровень научной строгости снизился. Не только не имеется в виду математизация лингвистики, казавшаяся очень близкой в 50–70-е гг., но часто и не ставится задача выработки сколько-нибудь строгого метода. Безусловно, формализация прагматики или когнитивных процессов – очень сложная задача ввиду сложности самого объекта, но речь уже не идет даже о минимальной строгости. Если у И. А. Мельчука и др. целью было достижение полного и последовательного включения лингвистики в число естественных наук, то теперь гуманитарные аспекты решительно преобладают.

Сами научные принципы, которыми руководствуются некоторые российские когнитивисты и исследователи картин мира, отличаются от того, из чего исходили Ф. де Соссюр и другие исследователи. Ищут связь того или иного языка с нравственными категориями, выявляют по языковому данным отношение к жизни носителей русского или английского языка и др., желают на основе языка познать душу целого народа. Выполнимы ли такие задачи или это ещё один пример «забегания вперед»? Наука о языке в последние два столетия постоянно ставила глобальные задачи, решение которых не было обеспечено существовавшими в то время возможностями. В разные периоды целями могли быть реконструкция «первичного языка человечества» или хотя бы языка, на котором говорили индоевропейцы,

выявление через морфологию или синтаксис «стадий человеческого мышления», полная формализация языка, на основе которой его изучение можно передать машине, и многое другое. Потом с развитием науки все эти задачи признавались не решаемыми, но в ходе погони за миражами наука открывала нечто другое, менее глобальное. Не ждёт ли такая и судьба и познание души народа по языковым данным?

Но в любом случае в современной России функциональная лингвистика очень далека от принципов, из которых исходил Ф. де Соссюр. А среди предшественников функционализма важное место, несомненно, занимал М. М. Бахтин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : В 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
2. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М. : Изд-во Московского ун-та, 1954. 33 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
4. Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. Вып. 2. М., 1931. С. 23–67.
5. Холодович А. А. Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 9–30.
6. Балли Ш. Язык и жизнь. М. : URSS, 2003 [1913]. 232 с.
7. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб. : Аста-Пресс Ltd., 1995 [1929]. 382 с.
8. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина (1960–1966) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4. С. 180–200.
9. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 337 с.
10. Сеше А. Три соссюровских лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М. : Просвещение, 1965 [1940]. С. 60–84.
11. Алпатов В. М. Из истории лингвистики. Гардинер и Волошинов // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. М. : Индрик, 2002. С. 15–22.
12. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
13. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford : Oxford Univ. Press, 1932. 332 p.
14. Brandist C. On the Philosophical Sources of the Bakhtinian Theory of Dialogue and the Utterance // Bakhtin and his Intellectual Ambience. Gdańsk : University of Gdańsk, 2002. P. 43–61.
15. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Политиздат, 1950. 114 с.
16. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М. : Наука, 1974. 256 с.
17. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 5–42.
18. Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992 [1983]. 336 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.
2. Smirnitckiy A. I. *Ob'yektivnost' sushchestvovaniya yazyka* [Objectiveness of existence of the language]. Moscow, 1954. 33 p.
3. Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General Linguistics]. *Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. 695 p.
4. Yakubinskiy L. P. F. de Sossyur o nevozmozhnosti yazykovoy politiki [F. de Saussure about the impossibility of language policy]. *Yazykovedeniye i materializm* [Linguistics and materialism]. Iss. 2. Moscow, 1931, pp. 23–67.
5. Kholodovich A. A. F. de Sossyur [Ferdinand de Saussure]. *Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977, pp. 9–30.
6. Balli Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow, 2003 [1913]. 232 p.
7. Voloshinov V. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk* [Philosophy and Sociology Humanities]. St.-Petersburg, 1995. 382 p.
8. Iz perepiski M. M. Bakhtina i V. V. Kozhinova (1960-1966) [From the correspondence of Mikhail Bakhtin and V. V. Kozhinov (1960-1966)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope]. 2000, no. 3–4, pp. 180–200.
9. Bakhtin Mikhail. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. By the philosophical foundations of the humanities]. St.-Petersburg, 2000. 337 p.
10. Seshe A. Tri sossyurovskikh lingvistiki [Three Saussurian linguistics]. *Zvegincev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics XIX and XX centuries in the essays and extracts]. Part II. Moscow, 1965, pp. 60–84.
11. Alpatov V. M. Iz istorii lingvistiki. Gardiner i Voloshinov [From the history of linguistics. Gardiner and Voloshinov]. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoy* [Languages of the World. Typology. Uralic. Memory T. Zhdanova]. Moscow, 2002, pp. 15–22.
12. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.

13. Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford, 1932. 332 p.

14. Brandist C. On the Philosophical Sources of the Bakhtinian Theory of Dialogue and the Utterance. *Bakhtin and his Intellectual Ambience*. Gdańsk, 2002, pp. 43–61.

15. Stalin I. V. *Marksizm i voprosy yazykoznaviya* [Marxism and Problems of Linguistics]. Moscow, 1950. 114 p.

16. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ⇔ Tekst». Semantika, sintaksis* [Experience of linguistic models of the theory of «Meaning ⇔ Text». The semantics, syntax]. Moscow, 1974. 256 p.

17. Nikolayeva T. M. Lingvistika teksta. *Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Text Linguistics. Current state and prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Iss. VIII. Lingvistika teksta. Moscow, 1978, pp. 5–42.

18. Kibrik A. Ye. Lingvisticheskiye postulaty [Linguistic postulates]. Kibrik A. Ye. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaviya* [Essays on general and applied linguistics issues]. Moscow, 1992 [1983]. 336 p.

Статья поступила в редакцию 22.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алпатов В. М. Соссюр и Бахтин // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 9–17. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17.

FOR CITING

Alpatov V. M. Saussure and Bakhtin. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 9–17. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17. (in Russian).